
РЕАЛИЗАЦИЯ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.В. Селина

Кафедра уголовного права и процесса
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена правовой природе и современной трактовке реализации решений Европейского Суда по правам человека в российском уголовном судопроизводстве. Исследование основано на анализе научных трудов российских авторов, законодательства Российской Федерации и судебной практики Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека; Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Возможность обращения российских граждан в Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) привнесена в российское право естественно-правовой концепцией правопонимания, обеспечиваемой совершенствованием внутригосударственного законодательства, становлением конституционного судопроизводства, применением судами Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права.

В начале правовой реформы преобладали те из новых правовых механизмов, которые давали возможности решения проблемы защиты прав и свобод напрямую. Это обеспечивалось возможностью прямого применения норм Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права и обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Однако период, прошедший со времени признания юрисдикции Европейского Суда по правам человека, выявил ряд проблем, как с вопросами наступления периода обращения, значимостью правовых позиций Суда, так и по вопросам исполнения решений Суда и создания для этого правовых механизмов во внутригосударственном процессуальном законодательстве. В этой связи все большее значение приобретает анализ путей совершенствования внутригосударственного законодательства.

Представляется, что одной из проблем, наиболее часто бывших предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека, является проблема обеспечения прав и свобод лиц, содержащихся под стражей. В этом контексте одной из первоочередных проблем уголовного судопроизводства является обеспече-

ние личных прав подозреваемых и обвиняемых в связи с заключением под стражу. В последние годы принят ряд федеральных законов, обеспечивающих:

– неприменение этой меры пресечения к подозреваемым и обвиняемым в определенных ненасильственных (экономических) преступлениях;

– возможность для подозреваемого и обвиняемого лично обратиться в суд с ходатайством о применении в качестве меры пресечения залога, а не заключения под стражу;

– освобождение из-под стражи на основании медицинских показаний.

Анализ проблем, выявленных Европейским Судом по правам человека, дает основания для вывода, что они основаны на Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [1] и во многом могут восприниматься как более «теоретизированные», чем имеющие сущностное практическое содержание. Уже на стадии ратификации Конвенции она неоднозначно воспринималась ведущими учеными и специалистами-практиками.

Так, например, практически сразу после принятия Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», комментируя правовые положения об аресте, профессор И.Л. Петрухин обращал внимание на то, что «Конвенция (п. «с» ч. 1 ст. 5) знает только два основания ареста и задержания: необходимость предотвратить совершение правонарушения или помешать подозреваемому (обвиняемому) скрыться после совершения преступления. В отличие от этого ст. 96 УПК РСФСР допускает заключение под стражу в качестве меры пресечения по мотивам одной лишь опасности преступления» [2].

Действующий УПК РФ воспринял положения Конвенции, он уже не содержит такого основания заключения под стражу, как опасность преступления, в совершении которого обвиняется лицо. *Важна не опасность, а обоснованность обвинения.* Но и ограничиваться лишь предположением о возможном противодействии расследованию нельзя. Представим себе, что из-за поверхностных подозрений испуганный человек в спешке покидает город или даже уничтожил подброшенную вещь (улику). Представляется, что указанных оснований недостаточно для заключения под стражу.

В этой связи заслуживает поддержки позиция Пленума Верховного Суда РФ в Постановлении «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [4].

Верховный Суд РФ дал судам разъяснения, согласно которым следует учитывать, что *наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является необходимым условием для законности ареста.*

Вместе с тем такое подозрение не может оставаться единственным основанием для продолжительного содержания под стражей. Должны существовать и иные обстоятельства, которые могли бы оправдать изоляцию лица от общества. К таким обстоятельствам, в частности, может относиться возможность того, что

подозреваемый, обвиняемый или подсудимый могут «продолжить преступную деятельность либо скрыться от предварительного следствия или суда, либо сфальсифицировать доказательства по уголовному делу, вступить в сговор со свидетелями». Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ противопоставил основания подозрения в совершении преступления и подозрения в возможном противодействии расследованию, тем самым не оставив возможности выводить вторые из первых.

Следует отметить, что в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и в УПК РФ в качестве оснований заключения под стражу названы данные для подозрения в возможном противодействии расследованию без слов о подозрении в самом совершении преступления. Исходя из указанных оснований получается, что подразумевается, что данные о возможном противодействии черпаются, в первую очередь, из обоснованности подозрения в совершении преступления. Случаи, в которых лицо на момент заключения под стражу уже уничтожило доказательства, воздействовало на свидетелей и т.д., редки.

Верховный Суд РФ к вопросам оснований избрания в качестве меры пресечения содержания под стражей обращался неоднократно, причем не всегда был последователен в своих правовых позициях. Так в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященном применению норм российского права о заключении под стражу, рассматриваемого противопоставления нет. «Для решения вопроса о возможности применения меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое уголовный закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, суду надлежит в каждом конкретном случае проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. При решении вопроса о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу необходимо учитывать основания, указанные в ст. 97 УПК РФ, а именно: данные о том, что подозреваемый, обвиняемый может скрыться от органов дознания, предварительного следствия или суда, продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Указанные обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, то есть подтверждаться достоверными сведениями» [5].

Следует согласиться с позицией А.А. Шуличенко, которая, критически оценивая сложившееся положение, указывает, что оно «не вполне согласуется с принципом презумпции невиновности» [8].

В Бюллетене Верховного Суда РФ прошлого года находим пример отмены судебного решения на основе постановления ЕСПЧ по этому основанию. «Как указано в постановлении Европейского Суда по правам человека, несмотря на изложенные в судебных решениях обстоятельства, в данном деле отсутствуют доказательства, на основании которых можно было полагать, что перед арестом П. делал попытки запугать свидетелей, а также имелся другой риск его вмеша-

тельства в осуществление правосудия. При продлении срока содержания под стражей по ходатайству следователя суд мотивировал свое решение тем, что нет причин для отказа в удовлетворении такого ходатайства. При этом суд оставил без внимания как не имеющие отношения к делу аргументы П. о том, что у него не было судимости, он имел постоянное место жительства, место работы в г. Москве и положительные отзывы, считая, что серьезность обвинения имела больший вес, чем определенные факты в пользу изменения меры пресечения.

В связи с тем что постановлением Европейского Суда по правам человека от 15 мая 2008 г. установлены нарушения п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, допущенные при рассмотрении судами вопросов, связанных с содержанием П. под стражей... Президиум Верховного Суда РФ 25 ноября 2009 г. возобновил производство по уголовному делу в отношении П. «ввиду новых обстоятельств» [3].

Именно в стадии возобновления производства по делу ввиду новых (вновь открывшихся) обстоятельств нашла свое место реализация решений ЕСПЧ в уголовном (а также арбитражном и — посредством постановления Конституционного Суда РФ — гражданском судопроизводстве [6]).

В соответствии с ч. 5 ст. 415 УПК РФ пересмотр приговора, определения или постановления суда по обстоятельствам, указанным в п. 1 и 2 ч. 4 ст. 413 настоящего Кодекса, осуществляется Президиумом Верховного Суда Российской Федерации по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации не позднее одного месяца со дня поступления данного представления.

По результатам рассмотрения представления Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации или постановлением Европейского Суда по правам человека. Копии постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации в течение трех суток направляются в Конституционный Суд Российской Федерации, лицу, в отношении которого принято данное постановление, прокурору и Уполномоченному Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

При этом п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ в качестве нового обстоятельства (т.е. обстоятельства, неизвестного суду на момент вынесения судебного решения, устраняющего преступность и наказуемость деяния) предусмотрено установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанного с:

- а) применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод;
- б) иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Недостатком установленного порядка реализации решений ЕСПЧ в уголовном судопроизводстве видится отсутствие:

– права заявителя на обращение в суды судебной системы Российской Федерации в связи с имеющимся решением ЕСПЧ;

– правовой процедуры пересмотра промежуточных судебных решений, в том числе принятых в ходе досудебного производства, в связи с решением ЕСПЧ (поскольку сама стадия возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств рассчитана на пересмотр итоговых решений);

– упоминания решений ЕСПЧ в качестве материалов, прилагаемых к обращению в Конституционный Суд РФ в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации»;

– для Президиума Верховного Суда РФ — оснований к отказу в отмене или изменении решения по уголовному делу и разъяснения права заявителя на обращение в Конституционный Суд РФ в связи с решением ЕСПЧ и других прав.

При этом следует исходить из того, что решения ЕСПЧ нетождественны приговорам и иным судебным решениям уголовного судопроизводства национальной судебной системы: Европейский Суд по правам человека не признает человека виновным либо невиновным, не отменяет решение о виновности (невиновности). Правовые последствия его решений нельзя приравнять ни к решениям российских вышестоящих судебных инстанций, ни к решениям законодателя либо Конституционного Суда РФ.

В соответствии со ст. 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [2], «если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право высокой договаривающейся стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

Следует отметить, что иногда суть обращения в ЕСПЧ в связи с уголовным судопроизводством сводится к денежной компенсации, поскольку обжалуемое промежуточное решение уже исполнено. Так могло бы быть в приведенном примере с обжалованием решения о заключении под стражу. Российское национальное законодательство предусматривает: «Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда» (ч. 1 ст. 133 УПК РФ). Но даже если установлено основание для возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием, это не должно обязательно повлечь отмену судебных решений, принятых по существу уголовного дела.

Действующий УПК РФ не содержит норм о праве заявителя сослаться на решение ЕСПЧ в той или иной ситуации, хотя даже для этапов рассмотрения дела в ЕСПЧ предусмотрено изменение позиции заявителя.

В соответствии со ст. 37 Конвенции о защите прав человека и основных свобод «Суд может на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать вывод

о том, что: а) заявитель более не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы...».

При этом в УПК РФ не предусмотрено оснований, при которых заявитель в ЕСПЧ в последующем отказывается от реализации принятого ЕСПЧ решения.

Следует отметить, что по схожим проблемам, связанным с исполнением решений по гражданским делам, свою позицию высказал Конституционный Суд РФ. Представляется, что она вполне приемлема и для уголовного процесса и рассматриваемых проблем оценки и трактовки условий и порядка реализации решений ЕСПЧ.

Позиция Конституционного Суда РФ сводится к тому, что исходя из особенностей полномочий Европейского Суда по правам человека, осуществляющего свою деятельность на основе принципа субсидиарности, и специфики рассматриваемых им дел, не всякое его решение, обязывающее государство-ответчика выплатить соответствующую денежную компенсацию, обеспечивает тем самым и полное восстановление нарушенного права, — Европейский Суд по правам человека только констатирует нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении заявителя, но не вправе принять дальнейшие меры, с тем чтобы устранить его.

Во всяком случае, лицо, по жалобе которого вынесено постановление Европейского Суда по правам человека, должно иметь возможность обратиться в компетентный суд с заявлением о пересмотре вынесенных по его делу судебных постановлений и быть уверенным, что его заявление будет рассмотрено [6].

Оценивая природу решений ЕСПЧ и возможность отнесения их к категории новых обстоятельств, влекущих возобновление производства по уголовному делу, следует заметить, что, вероятно, в правовой регламентации недостает одного логически опосредованного звена, и право на судебную защиту в межгосударственном органе рассчитано в первую очередь на возможность установления новых обстоятельств, которые по какой-либо причине не могли быть установлены российским судом. Тут могут быть и соображения безопасности, и новинки в технической возможности установления обстоятельств, и какие-то другие причины. В связи с этим логична постановка вопроса о преюдициальном значении фактов, установленных ЕСПЧ, и о признании доказательств, исследованных ЕСПЧ, подобно тому, как признана юридическая сила доказательств в ч. 5 УПК РФ «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства».

Реализация решений Европейского Суда по правам человека обсуждалась на научно-практической конференции по мониторингу законодательства и правоприменения 24–26 июня 2010 г. в Санкт-Петербурге [7].

В литературе сохранились дискуссии в оценке правовой природы решений Европейского Суда по правам человека и их значения для пересмотра актов российских судебных органов. Хочется привести некоторые из имеющихся мнений.

«Имеет ли право и обязан ли суд общей юрисдикции, арбитражный или конституционный руководствоваться решениями Европейского Суда и какова их правовая природа? Является ли такой прецедент источником права, или, как

я говорю, формой права, либо это только прецедент толкования (естественно, обязательный для Российской Федерации, в том числе и для всех ее органов государственной власти)?», — спрашивает В.В. Ершов. И далее выделяет проблему эвалютивного толкования Конвенции. «...Многие наши научные работники, практические работники и зарубежные специалисты, говорят о том, что Европейский Суд имеет право на эвалютивное толкование Конвенции. То есть то, что Европейский Суд отразит в решении — это и есть живая и развивающаяся Европейская Конвенция. Такую же точку зрения высказывают многие судьи Конституционного Суда Российской Федерации, говоря о том, что Конституционный Суд имеет право на эвалютивное толкование Конституции, что Конституция — это живой инструмент, живой организм. А то, что написано в конкретных постановлениях — это и есть Конституция Российской Федерации. Мне кажется, такая точка зрения очень спорная. Ее очень трудно согласовать с буквальным текстом Европейской конвенции, а также с буквальным текстом и буквальным толкованием действующей Конституции Российской Федерации» [7].

А.Я. Капустин считает: «Что понимать под нормой права? Норма права изложена в статье Конвенции. Например, в Конвенции есть статья, касающаяся прав заключенных, которая в абстрактной форме говорит, что заключение в местах лишения свободы должно соответствовать общепринятым стандартам. А каковы эти стандарты? В Конвенции об этом ничего не написано. Суд, толкуя эту норму, делает предположение, что стандарт составляет, скажем, 10–12 метров на человека. Он что, создает норму права? Это стало нормой? Нет. Но при рассмотрении жалоб в национальных судах судья, опираясь на это постановление Европейского Суда, должен уже понимать, что если он не удовлетворит соответствующую жалобу заключенного, эта жалоба все равно получит поддержку в Европейском Суде. То есть суд не формирует право, суд применяет норму. Но применяя, он расширяет внутреннее пространство нормы. То есть норма остается прежней, но она наполнена новым содержанием» [7].

Применительно к уголовному процессу следует, таким образом, подчеркнуть, что прецедентное начало в решениях ЕСПЧ дает основание для анализа влияния этих решений на национальное законодательство. Такого рода решения ЕСПЧ могут создавать предпосылки для обращения в Конституционный Суд РФ. Последующие решения по такому уголовному делу должны опосредоваться именно постановлением Конституционного Суда РФ, хотя и принятым в связи с обращением, основанным на решении Европейского Суда по правам человека.

Представляется, что при толковании ст. 413 УПК РФ нет оснований рассматривать понятие «новые обстоятельства» как «устраняющие преступность и наказуемость деяния». Это следует из отнесения к категории «иные новые обстоятельства» фактических (а не правоустанавливающих) положений, для познания которых уголовно-процессуальным законодательством предписано производить следственные действия (ч. 4 ст. 415 УПК РФ). В этой связи нет оснований для того, чтобы сам факт отнесения решений ЕСПЧ к категории новых обстоятельств придал этим решениям значение источника права.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Европейская конвенция о защите прав и основных свобод человека 1950 г. URL: <http://www.espch.ru/content/view/52/30>
- [2] *Петрухин И.Л.* Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» комментирует профессор, доктор юридических наук И. Петрухин // *Российская юстиция*. — 1998. — № 7.
- [3] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25 ноября 2009 г. № 212-П09 (Извлечение) // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. — 2010. — № 4.
- [4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. — 2003. — № 12.
- [5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» от 29.10.2009 № 22 (ред. от 23.12.2010) // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. — 2010. — № 1.
- [6] Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» от 26.02.2010 № 4-П // *Вестник Конституционного Суда РФ*. — 2010. — № 3.
- [7] Полная стенограмма научно-практической конференции по мониторингу законодательства и правоприменения 24–26 июня 2010 г. Санкт-Петербург. URL: <http://www.minjust.ru/ru/news/events/index.php?id4=236>
- [8] *Шуличенко А.А.* Показания обвиняемого: правовой, психологический и нравственный аспекты: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.

**IMPLEMENTATION OF THE EUROPEAN COURT
OF HUMAN RIGHTS IN THE CRIMINAL PROCESS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

E.V. Selina

The Department of Criminal Law and Criminal Procedure
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the legal nature and modern treatment implementing the decisions of the European Court of Human Rights in the Russian criminal proceedings. The study is based on an analysis of scientific works of Russian authors, the Russian Federation legislation and jurisprudence of the European Court of Human Rights.

Key words: European Court of Human Rights, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the Criminal Code of the Russian Federation.